

О. В. Мащитко,
*доцент кафедры философии,
кандидат философских наук*

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ОСНОВ ИДЕОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ПСЕВДОПРОФАННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В преподавании основ идеологии акцент делается на изучении современных идеологических учений и доктрин, их типологизации, описании места и роли идеологии в системе социальных институтов общества, в формировании национальной идентичности, освещаются социальные технологии и практические аспекты ее функционирования. Данная статья посвящена выявлению специфики преподавания основ идеологии в условиях постидеологического состояния современного общества. Эта задача подразумевает экспликацию аспектов функционирования идеологии, которые в традиционном подходе воспринимаются в качестве внеидеологического фона для учений и доктрин (для обозначения совокупности этих явлений мы будем пользоваться понятием «неявная идеология»).

С теми или иными оговорками к неявно функционирующим можно отнести идеологии, которые связаны с построением постметафизической политической теории. При этом следует различать идеологии, воспринимаемые в качестве внедискуссионного политического стандарта, такие как западнцентризм, идеология прав человека, идеология глобализации, доктрины, связанные с утверждением демократических ценностей, и идеологии, не воспринимаемые в качестве таковых, например идеология потребления, западная гендерная идеология. Аналогичным образом можно говорить о существовании неявной религиозной идеологии. Подобно тому, как в «постидеологическом» обществе функционирует неявная идеология, секуляризованный, постхристианский мир также является религиозным в специфическом смысле слова. Среди современных форм религиозной идеологии к «неявному» типу можно отнести атеизм, трансгуманизм, народный экуменизм, идеологию New Age.

Неявный аспект функционирования современных идеологий изучается в рамках постмарксизма (Лакло, Муфф, Жижек),

постструктурализма (Барт, Эко, Деррида, Фуко), постмодернизма (Лиотар, Джеймисон, Делез), а также в рамках исследования религиозной идеологии (Лукман, Кэмпбелл, Лемерт, Кураев, Дворкин, Рыжов, Бугаева).

С некоторыми оговорками стремление к псевдопрофанности является чертой любой идеологии. Она проявляется в качестве обоснования определенного социального и политического порядка апелляцией к естественным законам, здравому смыслу. Между тем, здравый смысл – понятие конкретно-историческое и конвенциональное. Каждой культуре присущи свои представления о здравом смысле, в каждом социуме своя система «очевидностей». Идеологически «очевидных» в общечеловеческом смысле слова идей нет. Поэтому отметим, что идеологии свойственна общая установка на стирание следов собственной рукотворности. Лакан в этой связи говорил, что главной уловкой идеологии является мгновенная историзация, стирание различия между идеологическими конструктами и действительностью. Эко утверждал, что «даже там, где говорят о естественности и непосредственности, имеют дело с культурой, конвенцией, системой, кодом и, следовательно, в конечном счете, с идеологией» [6].

Одной из наиболее существенных тенденций в современной трактовке идеологии является ее широкая интерпретация. Так, в постмарксизме идеология трактуется как фантазматическая конструкция, служащая опорой для действительности, иллюзия, структурирующая конкретные, реальные общественные отношения, маскирующая их сущность. Функция идеологии не в том, чтобы предложить способ ускользнуть от действительности, а в том, чтобы действительность представить как укрытие травматической реальной сущности. И в результате оказывается, что идеологический предрассудок невозможно поколебать доидеологическим опытом повседневной жизни.

Это положение может быть проиллюстрировано понятием «жесткого десигнатора» из концепции С. Жижека. Он отталкивается от традиционной для постмарксизма идеи о произвольности символизации социального. Фундаментальный парадокс данной символизации С. Жижек усматривает в том, что «жесткий десигнатор», или, используя термин Э. Лаклау и Ш. Муфф, «узловая точка» политического дискурса, стабилизируя систему значения, сам не является «точкой максимальной плотности

значения». «Жесткий десигнатор» стабилизирует ту или иную идеологическую форму, останавливает «скольжение» означающих, конституирует идентичность объекта. Однако сам при этом не является основанием устойчивой и постоянной референции; его роль – исключительно структурная [2]. Реальность у Жижека трактуется как раздражитель, нарушение привычного порядка вещей общества потребления, регулируемого принципом удовольствия. Свобода при этом возможна внутри системы.

Неявная идеология в этой связи предполагает реализацию двух аспектов: во-первых, редукцию реальности к виртуальности, во-вторых, редукцию субъекта к пассивности [4]. Таким образом, в условиях, когда обыденность и есть идеология, от субъекта не требуется «акта» ее принятия, она принимается как обычное положение дел.

В концепции Маркузе псевдопрофанность выступает в качестве кульминационной точки отчуждения. «Одномерность» мышления и поведения в лингвистическом измерении означает сведение всех суждений к одному языку, воспринимаемому как нейтральный язык этого мира. Выходящее за рамки установлено мира суждений и поступков либо отвергается, либо сводится к языку этого мира [5]. В таком обществе рабство сублимировано и воспринимается как единственно возможная форма существования. Лингвистический анализ при этом выполняет роль метаязыка, который не позволяет замыкать мышление в круг искаженного мира обыденной речи.

Псевдопрофанность является также предметом анализа в постструктурализме. Так, в семиологическом анализе мифа Р. Бартом необходимо вспомнить такой идеологический прием, как «констатация» – тяготение мифа к форме максимы, скрадывающей следы «рукотворности» мифа. Констатация делает миф неотличимым от здравого смысла. В функциональном отношении миф, с одной стороны, направлен на деформацию реальности, а с другой, пытается скрыть собственную идеологичность. Всякая идеология добивается того, чтобы ее воспринимали не в качестве одной из возможных точек зрения на мир, а как единственно допустимую. Иными словами, «естественность», «псевдопрофанность» мифа заключается в том, что он пытается выглядеть чем-то «само собой разумеющимся». Поэтому наиболее продуктивной стратегией в функциониро-

вании мифа является его паразитирование на идеологически нейтральных знаках естественного языка.

Понимание современной идеологии как псевдопрофанного дискурса позволяет глубже проанализировать переход от «радикального» к «приемлемому», который имеет ярко выраженный лингвистический аспект. В современной культуре яркие примеры лингвистической «переквалификации» социальных феноменов из «радикальных» в «приемлемые» (а там недалеко и до общепризнанных) демонстрирует западный вариант гендерной идеологии. В недавнем прошлом все перипетии данного перехода можно было наблюдать в отношении проблемы сексуальных меньшинств. В либеральной прессе утверждается, что все «прогрессивное» человечество «естественным образом» приняло геев, их субкультуру, их право заключать браки, усыновлять детей и пропагандировать свою сексуальную ориентацию в школах и детских садах. При этом очевидно, что деклассификация гомосексуализма как расстройства психики (удаление ею из «Диагностического и статистического руководства по расстройствам психики») связана не с научными соображениями, а с политической и идеологической активностью.

В условиях псевдопрофанного функционирования идеологии особое значение приобретает изучение лингвистических аспектов. Это подразумевает смещение со значимости содержания к значимости формы. Если классическая трактовка формы предполагает нейтральность, то современная предполагает ее понимание в качестве символически-действенной. В языке это проявляется как утверждение «небезразличности» слова по отношению к содержанию. Эко, например, писал, что при употреблении слова «отечество» вместо «страна» может измениться система эмоциональных реакций индивида [6].

В качестве одного из аспектов символической действенности формы может рассматриваться «скрытое» насилие языка как такового. Например, у Бодрийера в основе идеи лингвистического давления идеологии лежит сосюрровский принцип произвольности знака и отсутствия за знаками реальности. Реальность понимается как отражение знака, конституируется символической деятельностью и является эффектом знака. Реальное не является референтом знака, это – симулякр символического. «Мираж референта» – это всего лишь фантазм того, что знак вытесняет в процессе означивания. Таким образом

реализуется то, что Бодрийяр называет «террористическим контролем смысла» [1]. Жижек трактует различие схем рассогласования означающего и означаемого как совпадение идеологии и действительности: «Обстоятельства никогда не говорят “сами за себя”, язык никогда не функционирует как язык Реального» [3].

Еще один аспект псевдопрофанного функционирования идеологии связан с изменением способа лингвистического конституирования истории. В явной идеологии символизация предшествует событию. Здесь уместна расхожая фраза про «историю, которая пишется победителями». В современном типе идеологии есть только «реальное» истории (выражение Жижека). Символизация же настолько произвольна, что теряет какой-либо онтологический статус. Жижек для характеристики языка исторической символизации в неявной идеологии использует понятие «ретроактивность». В неявной идеологии символизация истории содержит момент креации, ретроактивное движение, в котором конечная цель не предзадана, а вещи каждый раз получают значение «задним числом». Таким образом, следствие предшествует событию, в процессе анализа мы создаем символическую действительность прошлого. Как следствие, в языковом конституировании истории смысл не открывается, а создается анализом: прошлое «сбывается».

В религиозной идеологии «истории победителей» соответствует взгляд на исторические события «в перспективе Страшного Суда», с точки зрения последнего сведения счетов, момента завершения символизации. Если рассматривать историю как текст, то ее гипотетическое окончание – это точка, в которой каждое событие получает определенное значение, окончательное место во всеобщей наррации. В нарративной трактовке история совершается «в долг»: дальнейшее развитие событий легитимирует (или не легитимирует) то, что совершается в настоящем. Нетрудно заметить, что в данном случае речь идет о том, что Беньямин и Жижек называли ретроактивностью исторического дискурса. В христианской историографии идея ретроактивности связана с «данностью» означающего – второго пришествия. История конституируется «под» данное означающее. Множество примеров подобного ретроактивного конституирования истории можно найти в вероучении неокультов, особенно в тех, где вероучение связано с апокалиптическими ожиданиями.

Религиозной идеологии труднее функционировать в качестве неявной и псевдопрофанной. В отличие от политической идеологии, которая может апеллировать понятиями «общепринятого», «естественного» и «само собой разумеющегося», религиозная идеология должна оперировать понятиями, связанными с сакральным. Это отражается, в частности, в особом отношении богословия и религиозно-философской мысли к формальному языку.

Подобно тому, как современную эпоху нельзя назвать «постидеологической», современную культуру нельзя назвать секулярной. Традиционные религии утрачивают влияние на человека, но возрастает интерес к религии в нетрадиционных и внеконфессиональных формах, в связи с чем можно говорить о «пострелигиозной» неявной идеологии. Экспансия неявной религиозной идеологии осуществляется в формах оккультизма, эзотеризма, магии, мистицизма, паранормальных верований, нетрадиционных методов лечения, эклектической смеси отдельных элементов традиционных религий, популярных псевдонаучных теорий, мифов, суеверий. Специфика современной культуры заключается в том, что в ней новая религиозность благодаря искусству, СМИ, Интернету получила широкое распространение и легитимность. Основным каналом распространения неявной религиозной идеологии становится массовая культура, которая, с одной стороны, активно участвует в ее формировании, а с другой стороны, находится под ее влиянием. Сегодня можно говорить о религиозной составляющей массовой культуры, для которой характерно наличие объектов поклонения, имманентных миру. При этом объекты поклонения, не связанные напрямую с традиционными религиями, существуют с начала Нового времени, с начала процесса секуляризации. Современные новые религиозные движения в связи с этим – лишь верхушка айсберга. Подобно тому, как в преподавании основ идеологии должны учитываться псевдопрофаные аспекты функционирования последней, современный опыт преподавания религиоведения должен учитывать наличие неявных форм религиозности.

Еще в 60–70-х гг. XX в. исследователи обратили внимание на то, что носителей новой религиозности зачастую нельзя объединить в религиозное движение, общность, институционализированную группу. Так, Лукман рассматривает институ-

ционализованные формы религии как вторичную форму религиозности [7]. Элиаде утверждал, что большинство «неверующих» живут под влиянием псевдорелигий и деформированных идеологий. В этом связи большое внимание уделяется изучению религиозного потенциала массовой культуры.

К псевдопрофанным способам функционирования можно отнести неоязыческие движения современности. Натурализация терминологии в неоязычестве позволяет ему претендовать на статус экологического, научного, но никак не религиозного движения. Например, неоязычество обыгрывает двусмысленность слова «космос», в котором могут быть актуализированы как естественнонаучные, так и сакральные аспекты. В оккультизме понятие «космическая энергия» используется как категория парапсихологии, хотя в пропаганде апеллирует естественнонаучным пониманием энергии. Неоязычество успешно ассимилирует народные настроения и предпочтения. В качестве системы очевидностей экологической культуры воспринимаются такие понятия, как земной организм, Мать-Земля, экология духа, наш дом Земля, перенаселенная планета, а между тем идеология большей части экологических движений является неоязыческой. Эти понятия стали неотъемлемой частью современного языка и новой парадигмы мышления, и не осознаются в качестве идеологических. Такой же статус в системе современного мировоззрения имеют ньюэйджевские понятия.

Анализируя новый способ бытия религиозных идей в эпоху секуляризации, Жижек обращает внимание на то, что для нашего времени специфичным является обилие вещей, лишенных сущности, субстанции: кофе без кофеина, сливки без жира, безалкогольный алкоголь, виртуальный секс, война без военных потерь (Колин Пауэлл), мультикультурализм как опыт Другого, лишенного инаковости. Логично было бы предположить аналогию применительно к глобальным вещам: общество без общества, политика без политики и, наконец, безрелигиозная религия [3].

Специфика современного социального устройства, если рассматривать его с точки зрения понятия секуляризации, заключается в том, что религия уже не идентифицируется с определенным культурным устройством. Это ведет к процессу глобализации религии: поскольку она не является интегрированной в определенный социальный порядок, то способна к автоном-

ному существованию и может существовать в разных культурах. Ключевыми для современности Жижек считает две функции религии – терапевтическую и критическую. Причем в области реализации критической функции глобализирующаяся религия берет на себя функции, традиционно ассоциирующиеся с ересью.

В характеристике современного религиозного сознания Жижек эксплицировал по меньшей мере шесть феноменов, которые правомерно отнести к неявной религиозной идеологии. Во-первых, феномен «дезаурированной», или смещенной веры. Так Жижек обозначает веру, которой придерживаются в силу культурных причин. На этом определении базируется «нефундаменталистское» понятие культуры, основанной на обезличенных (дезаурированных) верованиях. То есть это совокупность норм, правил, ценностей, которым мы следуем в силу традиции и привычки, не веря по-настоящему. Во-вторых, феномен «подвешенной веры», в которой не признаются. В-третьих, политеистические досовременные религии, подавленные традиционной религиозностью. Их неявность обусловлена включенностью в мифологические основания культуры, в коллективное бессознательное. В-четвертых, иудейское наследие, широко понятое в качестве уникального опыта встречи с радикально Иным. Сюда относится опыт трансцендентности как феномен культуры, понятый в качестве выходящего за пределы каких-то определенных конфессиональных рамок. В-пятых, гностическая и мистическая традиция христианства, трактуемая не столько как религиозный, сколько как философско-окультный феномен. В-шестых, западный буддизм, понятый как феномен секулярной поп-культуры, полностью вписывающийся в идеологию позднего капитализма. Медитативные практики, призванные выработать равнодушное отношение к жесткой конкуренции, являются способом адаптации к капиталистической системе [3]. От себя добавим, что всю неоязыческую традицию, присутствующую сегодня в пространстве секулярной культуры, включая западный вариант буддизма, неоиндуизм и йогу, правомерно отнести к феноменам массовой культуры.

Если рассматривать языковое функционирование религиозной идеологии, то самой массовой ее формой следует признать неоязычество, проявляющееся в неоиндуизме, оккультном

движении New Age, экологическом движении. Язык этих движений сегодня встроены в категориальный строй посткапиталистического общества и является его неотъемлемой частью.

Язык является одним из свидетельств глубинных трансформаций в современной религиозной идеологии. Свидетельством формирования новой религиозной идеологии является смена языка религиозной культуры. Субъекты культуры апеллируют такими терминами, как «карма», «аура», «нирвана», «энергетика», особо не задумываясь о том, что принятие языка религиозной идеологии означает принятие самой идеологии. Проблема распространения религиозной идеологии часто воспринимается как лингвистическая, то есть, ставится как проблема «перевода» учения на язык адресной аудитории. Данный миссионерский метод не нов (можно вспомнить хотя бы апостола Павла с установкой быть «с иудеем как иудей, с эллином как эллин, со свободными как свободный, с рабами как раб»), однако его современная специфика в том, что в расчет берутся не только религиозные, но общекультурные различия, стирается грань между религиозной, политической, экономической, образовательной сферами. Аналогичная тактика используется для экуменической адаптации христиан к инорелигиозному сознанию. Контроль над сознанием тактически связывается с контролем над языком.

Изучение псевдопрофанных форм функционирования идеологии и религиозности выводит на проблемы эстетики. Основным каналом распространения неявной идеологии является массовая культура. Кроме того, в области эстетики прослеживается та же логика, что и в рассмотренных выше формах псевдопрофанной идеологии. Подобно тому, как в современной культуре мы обнаруживаем постидеологическую идеологию, безрелигиозную религию, в области эстетики также обнаруживается необходимость расширения предметного поля за счет феноменов, ранее не считавшихся эстетическими.

Данная проблема актуализировалась в контексте темы смерти искусства. В этой связи постулируется трансдисциплинарный характер современной эстетики, связанный с процессом «глобальной эстетизации» – преобладанием эстетических ориентиров и норм в формировании восприятия мира, простирающегося от эстетизации личности и генных технологий до эстетизации экологии и экономики. Необходимо отметить, что

трактовка эстетического в качестве универсального измерения нашего опыта, эстетизация повседневности в одном из своих аспектов связаны с конституированием реальности средствами массовой информации, нивелированием различия между «подлинной» и «виртуальной» реальностью, что опять-таки выводит на проблему критического восприятия феноменов, традиционно считающихся внеидеологическими.

Таким образом, современный опыт преподавания основ идеологии должен учитывать псевдопрофанные формы функционирования последней, традиционно рассматриваемые в качестве внеидеологических, нейтральных. Псевдопрофанность подразумевает, в первую очередь, апелляцию к понятиям естественности и здравого смысла. Этот аспект функционирования неявной идеологии рассмотрен в концепции «мгновенной историзации» Ж. Лакана, представлениях о мифологической констатации и природности энкратического языка у Р. Барта. У. Эко соотносит понятия конвенциональность, культура и идеология. Э. Лаклау и Ш. Муфф утверждают, что идеология не выделяется на уровне обыденности. Г. Маркузе говорит о «параличе критицизма», сведении всех суждений к одному языку, воспринимаемому в качестве нейтрального. Во-вторых, псевдопрофанность подразумевает постулирование «пустоты» центрального означающего и отсутствия приоритетных точек в дискурсивном поле социума. Примером может служить понятие «жесткого дессигнатора» С. Жижека, выполняющего не содержательную, а структурную функцию.

Псевдопрофанность в функционировании современной идеологии подразумевает приоритетность ее лингвистического анализа, что предполагает повышение значимости и символической действенности формы. Явная идеология «скрывает» истинную реальность, используя язык в качестве средства и делая акцент на содержании. Тогда как неявная идеология исходит из положения, что истинной реальности не существует, есть только идеологические конструкции, конституируемые языком. Поэтому акцент делается на форме. В связи с этим на первый план в анализе идеологии выдвигается понятие «декодировки» (Эко).

Так, Лакло пишет о «политико-дискурсивном изготовлении общества», Жижек утверждает, что в изменении формы состоит «идеологическая мистификация». У Барта действенность

мифа связана с паразитированием формы на языковых смыслах, «игре в прятки» между смыслом и формой. Бодрийяр анализирует граффити в качестве сопротивления семиократии на уровне формы. Кроме того, отмечается специфика современных представлений об идеологических способах конституирования истории. В явной идеологии символизация предшествует событию. На знаковом уровне это конкретизируется в конституировании истории с позиции господствующего означающего. В политической идеологии эту ситуацию ярко отображает революционный дискурс, который начинает «писать» историю заново, в религиозной – построение истории «с точки зрения Страшного Суда», перспективы ее окончания. В неявной идеологии символизация является произвольной, теряет онтологический статус. Смысл истории каждый раз конституируется анализом. Историография трактуется как «производство» события, при этом знаковое конституирование понимается как символически-действенное. В ряде концепций постструктурализма и постмодернизма эта идея выражена в принципе произвольности исторического дискурса.

Подобно тому, как современную эпоху нельзя назвать «пост-идеологической», современную культуру нельзя назвать секулярной, в связи с чем правомерно говорить о «пострелигиозной» неявной идеологии. Подобно тому, как в преподавании основ идеологии должны учитываться псевдопрофаные аспекты функционирования последней, современный опыт преподавания религиоведения должен учитывать неявные формы религиозности. При этом неинституциональная религиозность обычно не причисляется к религиозным феноменам, обозначаясь в научной литературе расплывчатыми и нечеткими терминами, как например «широкое распространение мистики» (Григоренко, Миловидов, Поликарпов, Гуревич), «фиктивное сектантство» (Оленич), «культовая среда» (Кэмпбелл), «религиозная энтропия» (Филатов), «новое сектантство» (Эпштейн), «новое язычество» (Крутоус).

Поскольку основным каналом распространения неявной идеологии является массовая культура, в области эстетики прослеживается та же логика, что и в политической и религиозной формах псевдопрофанной идеологии. Наряду с постидеологической идеологией и безрелигиозной религией современная эстетика расширяет предметное поле за счет феноменов, ранее не считавшихся эстетическими.

1. *Бодрийяр, Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Н. В. Сулова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.
2. *Жижек, С.* Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М. : Художественный журнал, 1999. – 236 с.
3. *Жижек, С.* Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом / С. Жижек. – М. : Европа. – 2009. – 336 с.
4. *Жижек, С.* Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. – М. : Дело, 2013. – 526.
5. *Маркузе, Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М. : АСТ, 2003. – 528 с.
6. *Эко, У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко ; пер. с итал. А. Миролубовой. – М. : Александрия, 2007. – 430 с.
7. *Luckmann, T.* The Invisible Religion. The Problem of Religion in Modern Society / T. Luckmann. – NY ; London : The Macmillan Co., 1967. – 128 p.

*А. Г. Міцкевіч, старшы выкладчык
кафедры дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва,
кандыдат біялагічных навук*

ЛІЧБАВЫЯ ТЭХНАЛОГІІ Ў ВЫКЛАДАННІ ДЫСЦЫПЛІНЫ «БІЯПАШКОДЖАННІ МУЗЕЙНЫХ АБ'ЕКТАЎ»

Важным этапам прэзентыўнай кансервацыі музейных аб'ектаў як рухомага, так і нерухомага фонду з'яўляецца своечасовае і дакладнае выяўленне ачагоў і агентаў біяпашкоджання. Лічбавыя тэхналогіі ў гэтым адыгрываюць вядучую ролю. Асабліва пры дыягностыцы біяпашкоджання не толькі мікраарганізмамі, але і базідыяльнымі грыбамі, насякомымі і нават грызунамі. Выкарыстанне лічбавых камер, у прыватнасці з функцыяй макраздымка, часта дазваляе выявіць дрэнна прыкметныя няўзброеным вокам ачагі, напрыклад пашкоджанні цвілымі грыбамі ці актынаміцэтамі, а таксама моллю і скураедамі.

Першасны аналіз ачагоў біяпашкоджання заключаецца ў візуальным аглядзе пры нармальным і бакавым асвятленні; адборы проб; вывучэнні проб пад мікраскопам (лупай) у адбітым святле; мікраскапічным даследаванні фрагментаў лаку, фарбавага слоя і грунту, драўніны, скуры, саломы, керамікі і г. д.